

Хренова Ангелина (Тверь)

**Мотив исцеления в рассказе Ф. Н. Глинки
«Болезнь и исцеление крестьянки Анны
Лисицыной»: к проблеме интерпретации
(на материале рукописного текста)**

Angelina Khrenova (Tver)

**The motif of healing in the story of
Fyodor Glinka's *The Illness and healing of
the peasant woman Anna Lisitsyna*: on the
problem of interpretation (based on the
material of the handwritten text)**

Резюме. В статье рассматривается неопубликованный рассказ Ф. Н. Глинки «Болезнь и исцеление крестьянки Анны Лисицыной» (1837). Изучение рассказа-воспоминания и сопоставление его с другими записями литератора дает представление об описанном Глинкой способе излечения кликушества целебным магнетизмом. Оригинальность методике придает сочетание магнетизма и религиозных обрядов. Изучение текста позволяет проанализировать этапы излечения больной, эволюцию ее «воскресения» и уточнить религиозно-философские взгляды Глинки.

Ключевые слова: Ф. Н. Глинка, «Болезнь и исцеление крестьянки Анны Лисицыной», кликушество, месмеризм, гипнотизм, христианство, исцеление.

Abstract. The article discusses the unpublished story by F. N. Glinka "The illness and healing of the peasant woman Anna Lisitsyna" (1837). The study of the recollected story and its comparison with Glinka's other records gives an idea of the method described by Glinka to cure klikushestvo (hysterics) with healing magnetism. The

originality of the method lies within the combination of magnetism and religious rituals. The study of the text allows us to analyze the stages of the patient's healing and the evolution of her "resurrection", as well as clarify Glinka's religious and philosophical views.

Keywords: F. Glinka, *The illness and healing of the peasant woman Anna Lisitsyna*, hysteria, mesmerism, hypnotism, Christianity, healing.

Ф. Н. Глинка, декабрист, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, масон, занимает особое место в отечественной литературе XIX в. Он был мистиком, религиозным философом, «веря в существование загробной жизни, Глинка многие бытовые явления наполнял мистическим содержанием, вкладывал в них пророческий смысл» [Васильева 2011: 14-15]. С. А. Васильева отмечает:

Попытки Глинки познать мир, его законы, принимали самый разный характер. Одна из них — увлечение масонством. В 1815 г. в Петербурге под главенством верховной ложи «Астреи» возникла отдельная масонская ложа «Избранного Михаила», в которой Глинка был избран наместником «великого мастера». Он был увлечен масонскими идеями и издал книгу масонских стихов «Единому от всех». К этому ряду, вероятно, можно отнести и увлечение Глинки магнетизированием, которое было очень популярно среди участников тайных обществ 1810—1820-х гг. (П. И. Пестель, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, Ф. П. Толстой и др.) [Васильева 2011: 23].

Сам Глинка владел основами магнетизма и всегда был готов помочь, применяя свои знания из этой области, когда шла речь о тяжелобольных людях и случаях, с которыми медицина того времени не могла справиться. Об этом свидетельствует, например, «Любопытный отрывок из моих записок» [см. Бокова 2001]. Произведение относится, предположительно, к 1850—1860 гг., хотя события, описанные в нем, происходят ранее, о чем читатель узнает из самого текста.

Явление животного магнетизма получило распространение в конце XVIII в.¹ Немецкий врач и целитель Ф. Месмер (1734—1815) пытался доказать что «человек черпает из Вселенной особую магнитную силу, благотворно воздействующую на организм, и при некотором навыке способен передавать эту силу другим людям, животным и даже неодушевленным предметам» [Бокова 2001: 19].

Несмотря на то что к месмеризму относились скептически, а деятельность его родоначальника считали шарлатанством, последователи-магнетизеры продолжали пользоваться нетрадиционным способом исцеления больных. В начале XIX в.

<...> был открыт «магнетический сомнамбулизм», при котором больные погружались в сон и в сонном состоянии отвечали на обращенные к ним вопросы и проявляли иные признаки действия гипноза (термин «гипнотизм» был предложен в 1840-х гг. английским врачом-магнетизером Брэдом) [Бокова 2001: 19].

Основная задача, которая стояла перед магнетизерами, — погружение больного в сон с помощью гипноза. Этот процесс сопровождался различными действиями; характерны были приемы зрительного (взгляд «глаза в глаза») и тактильного (наложение рук на больную область, пассы ими, скрещивание рук у пациентов) контакта. Интересно, что именно в таком состоянии, человек, которому требовалась помощь, мог частично или полностью рассказать о своей болезни, а также предложить лечение. Часто целители магнетизировали воду, различные мази и предметы, использование которых, по их мнению, способствовало выздоровлению больного.

В Государственном архиве Тверской области (ГАТО) хранится неопубликованный рассказ Глинки «Болезнь и исцеление

¹ Перевод фундаментального труда Р. Дарнтон «Месмеризм и конец эпохи Просвещения во Франции» [Дарнтон 2021] позволяет проследить, как появилось и стало существовать на территории Франции это явление, как оно взаимодействовало с политической мыслью, эзотерическими течениями и наукой того времени, также помогает выявить концепцию месмеризма и обозначить его основные положения.

Мотив исцеления в рассказе Ф. Н. Глинки

крестьянки Анны Лисицыной». Это рукописный текст, который занимает 27 листов с записями на обороте (общий объем — 55 страниц). Преамбула к рассказу свидетельствует о том, что это реальные события, в которых принимал участие автор:

Следующие два случая² произошли с участием моего родственника, <...> советника, духовного поэта, писателя — Фёдора Николаевича Глинки; всё переписано рукой жены его — Авдотьи Павловны, урожденной Голенищевой-Кутузовой, моей кузиной (здесь и далее орфография и пунктуация частично изменены согласно правилам современного русского языка. — А. Х.) [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 31]

Из этого же рукописного фрагмента становится известно, когда произошла описанная в произведении история: «В сентябре прошлого 1836-го приехали мы в степную Тамбовскую деревню» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 32]. Таким образом, год написания рассказа — 1837, а место, где происходило действие, — Тамбовская губерния.

Главная героиня — Анна Лисицына — тяжелобольная крестьянка; об этом читатель узнает в начале рассказа:

<...> мы довелись, что у нас <...> в имении есть кликуша. Так называют в народе женщин, выводя это слово, может быть, от кликов и разнообразных гласов и возгласов, производимых женщинами одержимыми страшным, для многих неизъяснимым, по крайней мере, еще неизвестным недугом [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 32 об.].

² О появлении бесноватых женщин и мужчин сообщается еще в XI в., упоминания о кликушах содержатся в литературных источниках начала XVI в. Широкое же распространение болезнь под названием кликушество получила в XVII—XVIII вв., что было связано с возрастанием суеверных настроений среди крестьян [Краинский 1900, Лахтин 1917, Никитин 1903].

О кликушах вплоть до XIX века открыто не сообщалось. Исключением были многочисленные судебные дела, посвященные вопросу наведения порчи и дальнейшему наказанию за это деяние. Связано это было с отсутствием толкования таких понятий, как «кликушество» и «кликуша» в словарях. А. Г. Кравецкий обращает внимание на следующее: «Отсутствие слова кликуша в словарях объясняется тем, что для обозначения соответствующего понятия употребляется слово бесноватый (бесноватая)» [Кравецкий 2012: 114]. Однако кликушей называлась только та бесноватая, что «кликала».

Причиной болезни стала наведенная на нее другим крестьянином порча, из-за которой в тело героини вселились бесы³. Рассказчик описывает проявление этого тяжелого недуга и сообщает об исцелении крестьянки, которому он способствовал, а также о ее постепенном возвращении к прежней, «здоровой» жизни.

Один из главных мотивов рассказа — мотив исцеления героини, он является сюжетообразующим.

На протяжении всего текста довольно подробно говорится о проявлениях болезни. Так, становится понятным, что

<...> крестьянка Анна Лисицына впала в болезнь («испорчена» как говорят в народе) за 12 перед этим лет. В продолжение сей странной болезни случались с ней припадки, которые нельзя объяснить никакими законами природы. Она вдруг впадала как бы в некоторое усыпление, в продолжение которого бегала по полям с необыкновенной быстротой, часто, в виду всех, взбиралась на высокие строения — на ригу, избы, амбары — и, стремглав, кидалась с высоты оземь, не повреждая ни одного из своих членов. Она кидалась также с высокой платины в воду, даже сидела подолгу под водой! [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 33—33 об.].

Болезнь исказила даже внешность героини:

<...> женщина лет 30, по виду здоровая, сильная. Глаза ее были мутны; глядели и ничего не видали <...>. Средняя продольная черта, делающая лицо правильным, гармоничным, искривилась. Самые глаза покосились. Нижняя губа уродливо отдулась; правая щека также как будто припухла. В напряженных жилах, видимых на шее, играли какие-то судороги, как будто что перебежало. Но всего ужаснее были волосы, выказывавшиеся из-под кички. Разделяясь на толстые пряди, они как будто свились в какие-то безобразные плетеницы <...> Прибавьте к этому концы пальцев, судорожно согнутые, как когти хищной птицы, когда она терзает свою добычу. — Вообще, весь вид этой женщины был самый гнусный, пугающий, невыразимо отвратительный [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 36 об.—37].

³ Н. Краинский считает, что самый подверженный заболеванию социальный слой — крестьянство, поскольку это «<...> тесно связано с его мировоззрением, с суевериями, поверьями и даже творчеством его. <...> — это скорее просто бытовое, социальное явление жизни русского народа и основывается оно на глубоко укоренившемся в народном убеждении, суеверии и вере в “порчу”, «<...> кликуши и народ убеждены, что порча происходит от вселения в них бесов, но самое представление о чертях очень смутное, и никто не дает себе в том ясного отчета» [Краинский 1900: 214].

Мотив исцеления в рассказе Ф. Н. Глинки

Автор подчеркивает, что: «образ человека (образ Божий) искажился в этой страдалнице. В ней было истинно что-то сатаническое» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 37].

На протяжении всего рассказа недуг героини проявлялся по-разному:

Всякий раз, во время припадков, Лисицына говорила не своим голосом, или, лучше сказать, из нее говорил какой-то чуждый, странный голос. Ей сообщался при том во время ее припадков дар самой чудной прозорливости, но прозорливости нечистой; ибо она имела решительное отвращение от всего святого, от всего принадлежащего церкви и ракам святых угодников. Нередко удивляла она поселян даром пророчества и ясновидения изумительного [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 34—34 об.].

Важно обратить внимание на отрицательное отношение Анны Лисицыной ко «всему святому» во время болезни, оно меняется к концу рассказа. В этом фрагменте, кроме того, акцентируется еще одна важная черта — «дар пророчества и ясновидения изумительного», который как раз был характерен для кликуш⁴.

Узнав о болезни Анны и ее проявлениях, повествователь ставит цель «<...> выгнать <...> беса из бедной крестьянки!» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 35 об.]. Это он намерен сделать своими силами без какой-либо помощи профессионалов-докторов.

На протяжении всего текста также описываются чувства главной героини; дискомфорт и страдания прочитываются в следующих строках:

Видно было, что несчастная страдает, как жертва, обвитая кольцами огромного змея, томясь, изгибаясь, тоскуя тоской ужа-сающей. Какая-то внутренняя буря таилась и, по временам двигалась в ней, независимо от собственной ее воли [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 37 об.].

Возможно, проявление болезни стало доказательством того, что не крестьянка отвечала за свои действия, а кто-то другой управлял ею:

⁴ См., например: [Голикова 2010, Кравецкий 2012, Краинский 1900, Лахтин 1917, Никитин 1903, Прыжов 1997, Христофорова 2005].

Мотив исцеления в рассказе Ф. Н. Глинки

Ед. хр. 1018: 41 об.]). Само лечение первоначально продолжалось на протяжении ночи и начало давать положительные результаты:

Наконец, на этот раз, неприятель уступил поле сражения, — но не победу. Большая чихнула три раза, очнулась и стала молиться. Слезы текли по лицу ее, изможденному страданиями. Опамятавшись, она говорила хорошо, разумно, прикладывалась к иконам, вдыхая в себя курение ладана [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 42 об.].

Постепенно главная героиня приходит в сознание, она не полностью, но частично отвечает за свои действия, воспринимает окружающую ее действительность.

Первая попытка вернуться к прежней, «здоровой» жизни оказалась неудачной: «На другой день больная была у обедни, стояла, как и другие, но едва услышала песнь Херувимскую, вдруг одурела, грянулась о пол и начала кричать» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 43]. Лечение продолжалось с помощью книги «Описание чудес святого Митрофания», на которую Анна Лисицына реагировала дрожью и сотрясениями.

На третий день больной дали три стакана красного вина со святой водой и маслом отгоревшей перед иконой лампады. После третьего стакана она закричала: «Вышли! Вышли!» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 45] (здесь речь идет о тех потусторонних силах, что находились в теле больной крестьянки).

Со временем Анна стала приходить в нормальное состояние. «В речах ее простых, но разумных, было столько возвышенности, благородства и религиозности, что мы стояли в оцепенении <...>» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 46—46 об.]. Поменялось и отношение к Богу. Прежнее отвращение «ко всему святому» изменилось, теперь она «<...> с такой положительностью говорила о Боге, что казалось, будто она видит Его в лицо, стоя пред святым Его престолом» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 47]. Героиня признает, что именно Бог способствовал ее возвращению к прежней жизни: «Меня сберегал Бог! За меня все стоял Господь!» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 52 об.]. После выздоровления Анна перекрестилась, поела с аппетитом и стала «простой земной женщи-

ной»: «Ни мечтательности, ни ясновидения не осталось и признаков!» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1018: 53 об.]

В конце рассказа сообщается, что через три месяца после предпринятых попыток борьбы с кликушеством она чувствовала себя хорошо, только болели руки и ноги, рассказчик дает новые рекомендации по лечению: применение настойки из набора для жизненной эссенции и мазь оподельдока⁵. Цифра три, являющаяся священным числом в христианстве, играет особую роль в тексте. Троичность в этом произведении наблюдается в нескольких эпизодах: вся упорная борьба с неведомыми силами, которые вселились в Анну, заняла три дня, из состояния несознательного она выходила после того, как чихала три раза, лечение предполагало употребление трех стаканов красного вина, промежуточные итоги исцеления подводятся через три месяца.

Детальное изучение и анализ рассказа-воспоминания не только позволяет сделать вывод о способе излечения болезни главной героини, который описывает Глинка, — целебном магнетизме. Глинка подчеркивает, что исцеление невозможно без обращения к христианству. На это указывает религиозная лексика, элементы религиозной обрядности (сюда можно отнести осенение крестом, чтение молитв, использование христианских предметов, книг). Все это представляет довольно сложный и в то же время любопытный процесс, помогающий побороть болезнь Анны Лисицыной. Автору же важно подчеркнуть, что в основе «воскресения» лежит вера в Бога. Стремясь постичь «гармонию мира» и тайны бытия, Глинка позволяет себе нарушать некоторые христианские запреты, включая в сферу своих интересов масонство, магнетизм, спиритизм и другие духовные практики.

⁵ Жизненная эссенция — источник энергии для человека; в XIX в. аптекари и знающие люди делали лекарства от различного рода болезней, которые именно так и назывались; они продавались в стеклянных бутылочках, порой именных. Оподельдок — старинное лекарственное средство — использовался при ревматизме, вывихах, ушибах и пр. [см. Гродницкий 1793].

СОКРАЩЕНИЯ

Бокова 2001 — *Бокова В. М.* Записка Ф. Н. Глинки о магнетизме // Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Боковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. [Т. XI]. — С. 19—39.

Васильева 2011 — *Васильева С. А.* «Гармония мира» в творчестве Ф. Н. Глинки // Глинка Ф. Н. Религиозная проза. Сны и видения / Составление, подготовка текста, вступительная статья, примечания С. А. Васильевой, Тверь: Издательство М. Батасовой, 2011. — С. 5—38.

Голикова 2010 — *Голикова С. В.* Кликуши: по материалам Урала XVIII—начала XX вв. / С. В. Голикова // Диалог со временем. 2010. Вып. № 32. — С. 224—241.

Гродницкий 1793 — *Гродницкий Д. Р.* Употребление, действие и польза трех лекарств: эссенции жизни, гарлемских капель и наружного бальзама называемого оподельдок <...>. СПб, 1793.

Дарнтон 2021 — *Дарнтон Р.* Месмеризм и конец эпохи Просвещения во Франции / Перевод с англ. Н. и В. Михайлиных // НЛО: Новое литературное обозрение, серия «Studia religiosa». — М., 2021. — 240 с.

Кравецкий 2012 — *Кравецкий А. Г.* Кликуши: к истории слова и понятия / А. Г. Кравецкий // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. — М., 2012. — С. 109—129.

Краинский 1900 — *Краинский Н. В.* Порча, кликуши и бесноватые, как явления русской народной жизни. Новгород, 1900.

Лахтин 1917 — *Лахтин М.* Бесоодержимость в современной деревне. Историко-психологическое исследование [Чит. в заседании Психол. о-ва 5 дек. 1910 г.] / М. Лахтин // Вопросы философии и психологии. — М.: Менерт, 1917. — 47 с.

Никитин 1903 — *Никитин М. П.* К вопросу о кликушестве / М. П. Никитин // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. — СПб., 1903. — №9. С. 661—668; №10. С. 746—752.

Хренова Ангелина (Тверь)

Прыжов 1997 — *Прыжов И. Г.* История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. / И. Г. Прыжов. — М.: Terra, 1997. — 233 с.

Христифорова 2005 — *Христофорова О. Б.* Кликуши как явление русской народной жизни О. Б. Христофорова // Живая старина. — М., 2005. Вып. №1. — С. 58–60.

ГАТО — Государственный архив Тверской области.

Сведения об авторе: Ангелина Викторовна Хренова, Тверской государственный университет, бакалавр; Тверь, Россия; e-mail: angelina-viktorovna@rambler.ru

About the author: Angelina V. Khrenova, Tver State University, student; Tver, Russia; e-mail: angelina-viktorovna@rambler.ru